

Прохожие ангела не увидели

Борис Бомштейн и Евгений Ревяков. Галерея на Солянке

Говорят, в астрологии есть понятие астрологической несовместимости, когда один знак поглощает энергию другого. Положим, Рак плохо совместим с Близнецами. Не знаю, как в астрологии, а в искусстве с такой несовместимостью встречаешься достаточно часто. Недавний пример – выставка Бориса Бомштейна и Евгения Ревякова в залах на Солянке. Мои замечания касаются не развески картин в этом очень трудном, (но и по-своему выигрышном!) для экспозиции пространстве. Вадим Гаршин – директор выставочного зала на Солянке – развесил работы двух художников очень аккуратно, видимо, всерьез озабоченный тем, чтобы каждому досталось поровну выставочного пространства. Даже “эстрадный” полукруг в первом зале был поделен ровно пополам. Я слышала, что вначале организатора выставки посетила смелая идея “перемешать” на стенках работы обоих художников. Но потом он от нее отказался. И художники (а также все посвященные в закулисную историю экспозиции) вздохнули с облегчением. И напрасно! Потому что “погибель” таилась в самом сопоставлении этих двух уже достаточно зрелых, но малоизвестных и редко выставляющихся мастеров. Оговорюсь сразу – оба, на мой взгляд, очень талантливы. И не просто талантливы, но упрямые и независимы, что позволило им сохранить свое лицо, не слиться с “рыночным” художественным потоком. И конечно же, сильно осложнило творческую судьбу. Это сходство устремлений, видимо, и помогло художникам “найтись” и объединиться. Но вот, расположенные рядом, их работы ничего не добавили друг другу. И даже словно бы кое-что убавили.

Особенно “досталось”, на мой взгляд, Борису Бомштейну. Скажут: я пристрастна к Евгению Ревякову. Действительно, пристрастна. Несколько лет назад мне довелось спуститься к нему в “подвал” (он же – мастерская), о чем сам художник теперь рассказывает в форме совершеннейшей рождественской сказки. До того момента Ревяков, уже вполне состоявшийся и очень самобытный мастер, практически не выставлялся. Но слово одобрения, оказывается, еще что-то значит. Появилась энергия не только писать, но и показывать свои работы.

Небольшие живописные композиции Бориса Бомштейна, в основном лирические городские пейзажи и сценки в карнавал-фантастическом, тышлеровском роде, со-

седствуют с живописными и графическими работами Ревякова. Где “живопись”, где “графика”, понять, правда, довольно трудно – художник тяготеет к смешанной технике. Его нежнейшие акварели на листах, чтобы не “улететь”, нуждаются в грунтовке, словно живопись маслом, а в живописи то и дело встречаешь следы карандаша, акварели, а то и простой шариковой ручки, подчеркивающих силуэты фигур.

И вот начинаешь сетовать на то, что оба художника наделены лирическим темпераментом, тихой и проникновенной поэтической интонацией. Уж лучше бы они были, как “стихи и проза, лед и пламень”. Тогда бы острее выявились “несходство сходящего”.

А на стезе “чистой лирики” живопись Бориса Бомштейна выглядит, как мне кажется, тяжеловеснее, грубее, заземленнее, чем воздушная, вибрирующая и словно улетающая в мировое пространство живопись и графика Ревякова. Бомштейн меньше доверяет фантазии, “поэтическим снам”, больше связан с натурным мотивом, слишком подробен. Эти “импрессионистические”, пастозно написанные “дворики” мы словно где-то уже видели. Чуть перегружено композиционно, чуть описательно на фоне предельно аскетичной, импровизационной, абсолютной бессюжетной лирической медитации Ревякова. И ведь если бы не это соседство, Бомштейн остался бы при своих плюсах.

И, возможно, даже мысли бы не возникло о композиционной “перегруженности”. Но вот же на столбе две картины, как бы толкающие нас сравнивать, – “Пейзаж с лошадками” Ревякова и “Трубач” Бомштейна. И эта преодолевающая

земную тяжесть, от иконописи идущая “вертикаль” Ревякова – холм, уплывающая в небо белая церквушка, стволы тонких деревьев, все такое простое и детское, – как бы несколько “заземляет” и “утяжеляет” тоже достаточно лиричный, но более традиционно в импрессионистическом духе написанный пейзажный мотив Бомштейна.

Теряет ли что-либо при таком соседстве Ревяков? Думаю, теряет и он. В живописной цельности. Как будто в белую со всевозможными нежнейшими оттенками симфонию его работ врывается посторонний, более густой и резковатый звук.

Оба художника только выиграли бы, отжавшись на выставку персональную. Но долгое одинокое сидение в подвале, видимо, не проходит даром. Ревяков не отжался. Да и Бомштейну, судя по всему, не очень-то везло на живописной стезе. Вдвоем как-то надежнее...

А на вернисаже было оживленно. Художники и искусствоведы наперебой говорили о замечательных, необычайно тонких современных художниках. И, честное слово, не преувеличивали.

Но вот я пришла на выставку через день. Тихо, темно. Ни одного посетителя. Смотрительница зажгла для меня свет в залах, сообщив, что вчера был “один какой-то студентик”. И тут я подумала о совершенно фантастической и очень характерной для наших дней ситуации неувиденных картин.

Вот они висят на стенах. Художники вложили в них свое горение, свое чувство красоты. Галерист постарался хорошо их развесить. Критик сделал свои ехидные замечания по поводу экспозиции. Смотрительницы уселись на стульях и приготовились включить свет. И только зритель не явился. И не увидел работ двух чудаков-лириков, чей мир, возможно, сумел бы что-то сказать этому мрачно-унылому, бегущему куда-то субъекту. Тут я вспомнила прелестную и грустно-смешную акварель Ревякова “Прохожие” (1998). Мрачный мужчина в надвинутой шляпе устремил глаза себе под ноги, “пасет” собачонку. С другой стороны акварели куда-то спешит энергичная женщина с сумкой. А в центре расплывается в белесом, вибрирующем вихре мира женская, почти бесплотная фигурка с розовеющим букетом в руке. Так автор обычно изображает ангелов.

Но прохожие ангела не увидели. Пробежали мимо, занятые своими делами...

Е.Ревяков.
“Ожидание аистов”

Вера ЧАЙКОВСКАЯ